

Когда я пришел в себя, бой на позициях уже стих.

Пальцы в темноте нащупывали путь вверх и вниз, забравшись под истрепанную боевую форму. Тело все еще было целым и невредимым. Я тяжело выдохнул.

В подземном ходу царила мертвая тишина, ничто живое не шевелилось — лишь густой, словно липкая жидкость, черный пороховой дым висел вокруг, не рассеиваясь. Куда подевались люди, было совершенно непонятно. Собравшись с силами, я поднялся на ноги и поплелся к выходу из туннеля, откуда сочился слабый свет.

Стоило сделать всего пару шагов, как меня свалил на землю приступ тяжелого кашля: едкая, раскаленная аэрозольная гарь грубо ворвалась в мои легкие.

В голове словно перекачивалась капля ртути, журча прокладывая путь среди долей мозга; тяжелая субстанция быстро давила на каждый нервный узел, не давая удержать равновесие.

Просидев так довольно долго, я почувствовал, как тревога перерастает в панику. Пересилив резь в глазах, преодолевая боль в затекших конечностях, я с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, впотьмах побрел по мрачному тоннелю, в растерянности снова и снова громко подзывая боевых товарищей.

— Ротный! Ротный? Сяо Ма! Старик Гуй!

Никто мне не ответил. Мой хриплый зов мгновенно растворился в лабиринте переплетенных темных ходов, не оставив и эха.

Лишь несколько изувеченных тел павших товарищей были кое-как свалены в углу. Во всем тоннеле я не нашел ни одного бойца, в котором еще теплилась бы жизнь.

Неужели позиция пала?

Безумно разрастающийся страх сжимал в темноте мое разбитое тело, а проступивший пот превратился в липкий клей, намертво припечатав к груди и спине пропитанную грязью и заскорузлую рваную боевую форму.

Наконец, судорожно шаря вокруг, я выполз к стрелковой ячейке у выхода из тоннеля и огляделся. Стоял мрачный вечер, низкое свинцово-черное небо давило на землю, а густой дым, подгоняемый южным ветром, медленно переваливал через гребни окопов.

Меня контузило инфразвуковой бомбой, и я провалялся без сознания целый день, до самого вечера.

В поле зрения лежали сплошные воронки. Прежние аккуратные и разветвленные траншеи вражеская дальнобойная артиллерия превратила в бесформенное крошево; даже последний кольцевой опорный пункт, державшийся еще вчера, был стерт с лица земли шквальным огнем. Повсюду валялись брошенные стальные гильзы, осколки снарядов, обломки оружия и битый кирпич вперемешку с клочьями обгоревшей формы. На позициях не осталось ни единой живой души — этот мир целиком принадлежал смерти.

Исходные рубежи противника скрывались за завесой низкого дыма. Не слышно было ни рева танковых моторов, ни стрекота вертолетных винтов, и вокруг не ощущалось ни малейшего признака вражеской активности.

Похоже, позиция все еще оставалась в наших руках. Я немного успокоился.

Но где же товарищи?

Как на участке шириной больше километра не оказалось ни единого живого бойца?

Ведь еще днем здесь находилось целых два взвода!

С трудом закинув за спину забитый пылью автомат тип 56 и рискуя угодить под вражеского снайпера, я вылез на поверхность и похромал вдоль траншеи в поисках уцелевших.

Я замолчал у раскуроченной половины тела исполняющего обязанности ротного. Он лежал в углу окопа, намертво вцепившись мертвой хваткой в труп вражеского солдата, а его руки до сих пор судорожно сжимали шею чужака.

Последний луч заката угасал на моих глазах, и очертания далекого фронта медленно тонули в беспросветной ночи.

Мой ротный... Ты погиб.

Встречный ветер с гарью заставил меня прекратить беззвучный плач, я с замиранием сердца вгляделся в сторону вражеского наступления.

— Эй! Кто там?

Внезапно из-за спины раздался глухой окрик, сопровождаемый сухим щелчком передергиваемого затвора.

Диалект провинции Чжэцзян — свои. Я узнал уникальный говор тощего танкиста Цзян Е.

— Цзян Е! Не стреляй! Это... это я, Вэй Бэйхуэй, свои!

Я поспешно, кубарем выкатился из темноты навстречу голосу.

— Эй, старик Вэй! Тише, не высывайся, берегись снайперов.

Цзян Е, согнувшись в три погибели, шагнул мне навстречу и предостерегающе понизил голос.

Наконец-то свои!

Я судорожно вцепился в руку Цзян Е, прижался спиной к глиняной стене окопа и жадно задыхал полной грудью. Икроножные мышцы на ногах перестали дрожать.

Кое-как уложив тела нескольких найденных товарищей, я следом за Цзян Е поплелся в сторону самого высокого сооружения на позиции.

Сквозь руины впереди отчетливо виднелся ствол танка тип 59, застывший в ожидании. Без него враг, пожалуй, захватил бы наши позиции еще сегодня на рассвете.

Остановившись у стены уцелевшего здания, я невольно бросил взгляд в сторону центра города, хотя в темноте все расплывалось.

Тупо глядя на силуэты городских крыш, я пытался разглядеть, устояла ли высокая школьная водонапорная башня.

— Залазь давай, чего у входа околачиваешься. Засекут тебя вражеские радары.

Танковый командир Су Цинь, притаившийся на башне танка, сделал мне знак рукой.

— Чего паниковать!

Хвастался я на словах, а сам уже прыгнул в укрытие.

К этому моменту боя средства радиоэлектронной борьбы на нашей линии обороны были практически полностью уничтожены. Миллиметровые разведывательные радары противника наверняка сканировали этот сектор, и любое движение вряд ли могло укрыться от их глаз.

— Ты один? А старик Лэй где? — удивленно спросил меня Су Цинь.

— Ему перебило артерию на ноге, в полдень санитары утащили его вниз. Остальные... я не

знаю.

Я медленно осел на землю, прислонившись спиной к стене.

— Я только что обошел всё вокруг, на всей позиции нас всего трое, — голос Цзян Е звучал мрачно.

— Мать твою! Ополчение и резервисты почти все полегли! Если не отступим, все тут и сгинем!

Су Цинь тихо выругался себе под нос и сумрачно бросил на нас взгляд.

Я поднялся на позицию три дня назад. Моей задачей было выносить раненых в тыл, к полевому госпиталю в городе.

Точнее говоря, никакого тыла здесь больше не осталось, потому что наш город попал в окружение еще две недели назад.

Чтобы удержать внешний периметр, мы задействовали в общей сложности около пятидесяти тысяч бойцов оборонительных сил.

Кадровых частей катастрофически не хватало, в дело пошли резервисты и ополченцы. Окруженные войска отчаянно сопротивлялись, неся тяжелые потери под беспрецедентным вражеским огнем, и в конце концов в бой бросили даже мирных жителей.

Это была современная война, с которой никому из нас еще не доводилось сталкиваться. Какое-то время мы сражались с невидимым врагом: с неба сыпались кассетные боеприпасы неизбирательного поражения, сброшенные с расстояния в десятки и сотни километров, и бесконечные артиллерийские снаряды.

Меня, как молодого мужчину, призвали в резерв, и в конце концов мне тоже пришлось взять в руки оружие и вступить в бой. До этого я никогда в жизни не держал в руках автомат и не проходил никакой регулярной военной подготовки.

Целых три дня я продержался на этой адской позиции и даже уничтожал врагов. Сам не понимаю, как умудрился дожить до сегодняшнего дня, и вспоминать прошедшие семьдесят два часа мне совершенно не хочется.

Ради удержания этого крошечного клочка земли здесь полегло уже больше тысячи наших солдат.

Союзники — так называли себя враги: Америка, Япония и наемники из нескольких других стран развязали эту войну против Китая.

Бушующее уже четыре месяца пламя войны полыхало в самом сердце Китая.

Наша страна подвергалась жесточайшим ударам врага, неся беспрецедентные потери. Впрочем, захватчики сами все глубже увязали в болоте народной войны, и каждый их шаг вперед давался дорогой ценой и огромным истощением сил.

С самого начала войны враг испытывал непрерывное удивление.

Поначалу интервенты поражались тому, как гладко всё шло.

В то время как они уже завершили подготовку к масштабной войне, отечественные СМИ все еще спорили, стоит ли садиться за стол переговоров с американцами и японцами, поскольку к полномасштабному конфликту мы оказались не готовы.

И лишь когда враг успешно осуществил глубокую десантную операцию и на огромной скорости двинулся вглубь страны с двух направлений, мы внезапно очнулись.

Война вихрем ворвалась в нашу жизнь!

Из-за крайне недооцененной угрозы со стороны планов союзников мы допустили грубейшие просчеты на начальном этапе войны, упустив драгоценное время для стратегической мобилизации.

Однако в этой современной войне, где счет шел на секунды, враг не дал нам ни малейшей передышки или возможности прийти в себя.

Стратегические объединенные ударные группы противника воспользовались моментом и нанесли дальние высокоточные удары по нашим наземным мобильным частям, не успевшим толком подготовиться. А поскольку прибрежная авиация была полностью скована врагом на передовой, у нее не осталось сил для поддержки сухопутных войск.

Нелинейная тактика прорыва и беспрецедентная дальнобойная точность противника в мгновение ока парализовали систему связи и управления огромной Народной армии, лишив ее необходимого тылового обеспечения и важнейшей стратегической маневренности, тем более что шокированные войной сотни миллионов прибрежных жителей намертво заблокировали все сухопутные дороги вглубь страны.

Вскоре части были разбиты врагом поодиночке.

Следом накатила новая беда: маневренные силы обороны были вынуждены одновременно сдерживать жестокие удары противника и эвакуировать население и промышленное оборудование с юго-восточного побережья на юго-запад и север.

В юго-восточном регионе годами пренебрегали оборонным строительством, и гарнизоны вдоль дорог не имели готовых к бою фортификационных сооружений, способных затормозить продвижение врага.

Так война продолжалась к полнейшему удивлению интервентов.

Поначалу, стремительно продвинувшись сюда, они не придавали этому особого значения, считая сопротивление китайцев бессмысленным и символическим. Оставив для наблюдения лишь горстку войск, передовые силы, не останавливаясь, обогнули этот город и устремились вдоль реки Янцзы на запад.

Враг рассчитывал быстро окружить и разгромить наши резервные силы.

Они никак не ожидали, что неприметный городишко без естественных преград на карте преподнесет им сюрприз — и какой огромный.

Наши зенитные силы, сосредоточенные здесь и до того молчавшие, внезапно перешли в яростную контратаку, в течение нескольких недель создавая серьезную угрозу для их авиации. Лишенная поддержки с воздуха ударная группировка противника получила сокрушительный отпор от главных сил наших северного и западного направлений.

Взбешенные захватчики бросили в бой крупные соединения наемников второго эшелона, пытаясь стереть с лица земли этот доставивший им столько хлопот город, но лишь разбили лбы.

Прошел уже больше месяца, а город все еще держался. И хотя враг сутками напролет вел безумные штурмы, бои уже перекинулись на окраины.

Командиры вражеских штурмовых отрядов, должно быть, свирепствовали.

Высунувшись из порванного носка кед, я нащупал среди обломков веревку и туго перевязал шнуровку.

Как же пить хочется!

Я высунул язык и провел им по пересохшим губам. Язык тоже был сухим и шершавым — казалось, трутся два куска наждачной бумаги.

— Вода есть?

Я повернул голову к товарищам.

Увидев их беспомощные взгляды, я с разочарованием уронил голову на колени и закрыл глаза, пытаясь передохнуть.

— Командир, подкрепление идет.

Через минуту Цзян Е спрыгнул с танка, подошел ко мне и свистнул.

— Сколько их?

Тощий командир танка Су Цинь, сидевший на броне и всё еще наблюдавший за врагом, даже не повернулся, продолжая машинально что-то жевать.

— Не разглядеть, сейчас сосчитаю. Всего человек пятьдесят! Неужели так мало? Черт, неужели мы сегодня удержим позицию?

Цзян Е разочарованно пробормотал, и его недавняя радость испарилась.

— Командир, неужели наверху решили прорываться?

Цзян Е с подозрением обернулся.

Су Цинь ничего не ответил.

Подкрепление уже карабкалось по глубоким траншеям в полный рост. Некоторые тащили громоздкие ящики, у кого-то за спиной виднелись тубусы противотанковых ракет.

Первым из толпы шел человек, который осторожно и быстро пробирался между искореженными обломками буксируемых орудий прямо к нам.

— Так мало? Жить сегодня ночью никто не собирается?

Тихо пробормотал я.

После долгого напряжения наступил спад, и накатывающая волна жажды и усталости лишила меня всяких сил встать. Я так и остался сидеть, безвольно прислонившись спиной к стене.

Я не спал уже сутки напролет.

Утром я съел лишь один галет, а флягу еще в обед забрал старик Лэй, когда его уносили на носилках.

Бой, бесконечный бой. Я уже со счета сбился, сколько бойцов пало вокруг меня.

— Это позиция 2416, мы на месте. Танкисты, командир позиции здесь? Кто еще остался? Какая обстановка?

Первым поднявшийся боец обратился к нам. Несмотря на слой пыли на его форме, четкие знаки различия выдавали в нем офицера.

Майор.

— Командую я. Положение терпимое, способных двигаться трое. Но японцы еще не шли.

Танковый командир, оглядываясь назад на вражеские позиции, ответил из-за моей спины.

— О? — Майор замялся и тут же продолжил: — А остальные? У вас же должно быть две роты?

— Со вчерашнего вечера мы отправили вниз шестерых тяжелораненых, а остальные... погибли.

Я понуро опустил голову, голос звучал хрипло и глухо. Из-за отсутствия воды у меня пересохло в горле.

Все те тяжелораненые были отличными противотанкистами и пехотинцами, а у прочих раненых даже не было шанса уйти вниз.

Прибывшие бойцы замерли на месте, уставившись на нас тяжелыми, застывшими в темноте взглядами.

Прошедшая ночь стала для меня самым тяжелым испытанием за все время на позициях. Едва стемнело, враг предпринял комбинированную атаку: в небе их прикрывали штурмовики F-5 и вертолеты, а по позициям то и дело били кассетные боеприпасы с объемно-детонирующей смесью и инфразвуковые пушки. На земле же враг бросил против нашей линии смешанные отряды мотопехоты численностью не менее чем с батальон из разных стран. Они штурмовали нас волна за волной, под прикрытием непрекращающегося огня 155-миллиметровых гаубиц и минометов.

Бой длился всю ночь, две роты погибли почти полностью. В разгар схватки позиция утонула в густом черном дыму, мы сражались с врагом вслепую, на ощупь, на предельно близкой дистанции.

На самом деле, если бы обе стороны применяли обычное вооружение, наши потери не были бы столь чудовищными. Но под двойным ударом топливно-воздушных бомб и инфразвуковых установок у бойцов практически не оставалось шансов выжить. Аэрозольные маскировки,

накрывавшие позицию, тоже не спасали.

То, что мы втроем уцелели — чистая случайность, нам просто повезло больше, чем остальным.

Прячась в туннеле под стальной каской со специальной противоинфразвуковой подкладкой и натянув кислородную маску во время бомбежки объемно-детонирующими бомбами, я думал, что этот содрогающийся свод вот-вот рухнет на нас, несмотря на многослойные стальные двутавровые балки.

— Продержаться с прошлого вечера до сегодняшнего дня и оттеснить врага всего на триста метров — это дорогого стоит! — произнес майор, оглядывая позиции в прибор ночного видения.

Никто ему не ответил. Мы все трое хранили молчание. Пережитое за эти дни тянуло нас назад воспоминаниями, хотя каждый из нас предпочел бы всё забыть. Мы вовсе не были бесстрашными железными парнями — по крайней мере, я точно.

Я просто хотел выжить. Целым и невредимым.

После массированных бомбардировок объемно-детонирующими снарядами, авиабомбами и тяжелыми 155-миллиметровыми орудиями на этом узком рубеже все еще оставались живые китайцы. Такого рода боев эти наемники из разных стран еще не видывали.

К четырем часам утра мы уже почти выдохлись. Но это была самая высокая точка восточного фланга всего городского периметра, и допустить прорыв врага сюда было нельзя ни при каких обстоятельствах. Солдаты сдерживали вражеский натиск собственными телами.

Из-за непрерывной стрельбы ствол моего автомата тип 81 пришел в негодность, а у старика Лэя закончились патроны для легкого пулемета. Когда вражеские бронемшины прорвались на позиции, у нас полностью кончились противотанковые ракеты и гранаты. Бойцы под предводительством и.о. ротного снова и снова бросались в самоубийственные атаки с противотанковыми минами в руках. Если бы наш танковый взвод не нанес неожиданный контрудар, враг прорвал бы оборону намного раньше. Правда, ценой этого стали еще два потерянных драгоценных танка.

К рассвету у нас почти не осталось бойцов, способных отразить новую массированную атаку врага. Но внезапно вовремя подоспел шквал нашего дальнобойного артиллерийского огня, разметающий наступающие порядки противника в клочья.

Дневные бои выдались не менее жестокими. К вечеру от усиленной роты, прибывшей подкреплением утром, включая взвод противотанкистов, и нашего уцелевшего танка тип 59 остались лишь мы трое и одна боевая машина.

Резервы, судя по всему, исчерпали себя полностью, и удерживать позицию во второй половине ночи придется силами двух неполных взводов.

— Не пора ли прорываться? — подал голос Су Цинь, но никто его не поддержал.

— Похоже, силы врага тоже на исходе, сегодня ночью мы, пожалуй, выстоим, — пробормотал майор, закончив осмотр.

— Всем внимание! Командование требует, чтобы сегодня до трех часов ночи враг не ступил в город ни единым шагом. Противотанкистам и снайперам рассредоточиться по позициям, изучить местность, использовать для маневра подземные ходы. Связистам — поддерживать связь со штабом!

Майор резко повернулся к солдатам, собиравшим оружие.

— Меня зовут Ли Вэй, эту ночь я проведу в бою вместе с вами. Из какой вы части, как зватьеся?
— спросил он, глядя на нас.

— Вэй Бэйхуэй, — лениво отозвался я.

— Из какого подразделения?

— Из гражданских!

Майор опешил, внимательно оглядел стоящего перед ним гражданского, промолчал и хлопнул меня по плечу.

— Су Цинь, командир первого отделения первого взвода второй роты отдельного танкового полка девяносто второго резервного дивизиона.

<http://bllate.org/book/21115/2142664>